

Виктор Девера

**КОММУНИЗМ -
МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ
ИМПЕРИИ ЛЮБВИ?**

Мира, милости
и благоденствия
вам, за познание
изложенного, а
незнание его,
может стать
грехом

Виктор Девера
Коммунизм – миф или
реальность империи любви?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55558771

ISBN 9785449890597

Аннотация

В данной книге собраны научные и литературные произведения о светлом будущем единого мира без стремления к войнам, на взаимозависимой структуре собственности и любви, где право трансформируется и рассматривается как форма выражения любви общества. Пожелание: читать и думать всем равнодушным к судьбе своей, мира и истине.

Содержание

Автобиография автора	5
Обозрение предыдущих публикаций	7
Часть -I.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Коммунизм – миф или реальность империи любви?

Виктор Девера

© Виктор Девера, 2020

ISBN 978-5-4498-9059-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автобиография автора

Родился на севере в семье репрессированных с воронежской деревни крестьян. Мать работала учительницей в глухом поселке затерянном среди сосен и елей. Детство прошло на берегах реки Печора с любовью к первозданной природе. На изнурительных работах среди хлопковых полей средней Азии закончил восемь классов, а после уже ремесленное училище. Работал трактористом, слесарем, охотником и даже на киностудии в группе операторов.

Среднюю вечернюю школу закончил в г. Чимкент. Далее работал преподавателем мастером в системе ГПТУ.

Закончил Алма-Атинский институт народного хозяйства и аспирантуру в Ташкентском институте народного хозяйства. К этому периоду уже имел ряд научных публикаций по организации труда и заработной платы на промышленных предприятиях, и работал руководителем экономической службы Ташкентского моторного Завода.

Перестройка заставила переехать в Москву. Чтобы выжить занялся коммерцией.

Ради завершения своих научных и литературных проектов после оставил коммерцию. Имею ряд опубликованных книг, научных статей и более 400 литературных произведений. Неоднократно номинировался на премии, как в поэзии, так и в прозе. Книги были презентованы на международных выставках.

Построил дом, вырастил сад, воспитал детей, и своими работами старался оставить людям надежду на светлое будущее. Отношу себя к тому небольшому количеству людей, которые своим эпохальным политическим и поэтическим звоном, стараются изменить, или призвать, к диктатуре созидания красоты, как выражения любви общественной личности.

Любите, цените, не забывайте! С любовью к вам!

В. Девера

Обозрение предыдущих публикаций

Тематике данной книги предшествовали ранее размещенные научные публикации под названиями:

1. «Выживем в складчину». Статья в газете «Экономика и жизнь», 1991г. До этого было выступление в институте академика Абалкина с утверждением необходимости развития страны исходя не из множественности развития видов собственности, как утверждал он, а на основе взаимозависимости ее структуры. Именно это утверждение было обосновано мной в проекте, предложенном на международном конкурсе проектов развития России.

2. «Перпетуум мобиле экономики, или Новая идея спасения». Статья в Газете «Литературная Россия», 1995.

3. «Теория статусных отношений как основа правового общества и новой экономической формации». Журнал «Экономика XXI века», 2006. №9; газета «Знание – сила», июль 2008. №26 (394).

4. «Теория статусных отношений как основа инновацион-

ного развития России». Журнал «Ноу-хау бизнеса», 2008. №5 (как тезисы доклада на международном форуме в МФ-ЗИ).

Заинтересованным организациям и частным лицам по данной книге могут быть прочитаны разъяснительные доклады или организованы дискуссионные лекция. Подобные лекции были прочитаны в ЦЕНТРАЛЬНОМ ДОМЕ УЧЕНЫХ 12 февраля 2007г. и на международном семинаре в Москве 23 апреля 2008г. А доклад «Коммунизм: миф или реальность...» сделан у марксистов группы 1 июля 2015 г.

Не найдя поддержки и понимания в левом движении России, а также в некоторых странах коммунистического развития, я сделал попытки найти таковую в средствах массовой информации. Обратив идеи в художественные сюжеты и превратив их в литературные произведения, отдал их на суд общества. Такие мои статьи, поэмы и стихи, размещенные на многих литературных сайтах и в данной книге дают надежду, что вызовут интерес и найдут спрос.

Заказывайте и читайте эту книгу вдумчиво, с уважением к потной серьезной мысли, и всегда помните: самый дорогой подарок – это книга, как алмаз, если в ней раскрывается красота и созидаящая мысль.

В. Девера

Часть -I.

Коммунизм – миф или реальность? ОШИБКИ ПОСТРОЕНИЯ

Данная статья является научным обоснованием и кратким содержанием социально-экономических идей, раскрытых в книгах «Теракт в Госдуме...», «Вендетта Бога» и других художественных и публицистических произведениях, с которыми можно ознакомиться на сайтах Стихи.Ру и Проза.Ру.

Будем жить при коммунизме?!

Обещали коммунисты в советах отчизне,
Что когда я вырасту, жить буду в коммунизме.
И я верил с дуру, как и все,
Так и будет всё в моей стране.
Где же была их наука,
От стыда не мучила ль мука?
Совесьь продали и обман возвели
В черную, черную, черную мглу.
Ждал народ когда ж наступит,
Рай что всех нас приголубит
Хлеб бесплатным, мыло станет,
Профсоюз обед оплатит.
Но ученье, с жильём, медицина
Нам бесплатным все же была.
Да и цены не росли,
Совесьь разума несли.
За что ж бесплатная вода
С этим всем после ушла?
С площадей и жизни всей,
Что правило страну мою?
Обманули люд честной,
Все стало платным, боже мой.
Против чего боролись
Вновь, похоже, напоролись.
С коммунизмом обманули,
В капитализм опять вернули.

Будто в души наплевали,
Этого ни как не ждали.
И за это хамство не ответил никто.
Кровь родную проливали, а за что?
Вновь благодать отдали тем,
С кем боролись духом всем.
В их Рай не верили совсем,
А теперь вроде уж верим,
Но проживем и все проверим,
И как будет тоже вновь,
Поднимем красный флаг на дроть.
Вот и прошу все народы, очнитесь,
К светлому миру опять устремитесь.
Пусть мой посыл не останется эхом,
Надежда и вера должна быть успехом
Иначе к чему нам идти без мечты,
Лишь с нею возможен мир сей на любви.

* * *

Данным стихом в этой книге поднимается проблема осуществления человеческой мечты. Конкретно, и в основном, данной статьёй вам предлагается обоснованное изложение идей построения нового общественного строя. Основой его жизненной мотивации как раз и является любовь, выраженная в форме права. В этом общественном устройстве процесс производства становится процессом производства социальной жизни и работать в нем все должны не на обособ-

ленную наживу каждого, по закону присвоения неограниченных доходов, а по закону социального развития с правом общественных свобод, в зависимости от вклада в народное достояние.

Целью такого общественного устройства должно стать планомерно-рыночное развитие социальных условий жизни. При этом социальный продукт должен стать условием денежного обоснования эмиссии планового денежного обращения. Денежное же рыночное обращение, основанное на вале и прибыли с личной наживой, должно быть поставлено в зависимость от общественного и социального достояния, которое, будучи выражено в плановой энергетической валюте. Он намеренно обязан определять статусную структуру общества. Статусная структура должна определять личное или коллективное ограниченное или неограниченное пользование, как и установленное по достижениям право оперативного управления.

Обоснование этой взаимозависимости как общественного развития на взаимозависимой структуре собственности является серьезной экономической задачей, которой и посвящена данная концептуальная статья. С некоторыми упрощениями я ее подготовил как наброски к докладу левому движению.

Лидеры же всего левого движения до сих пор не понимают, как и не понимали основатели марксизма, что причина развала социализма, как и первобытного общества, заклю-

чается в том, что общественная собственность не определяла значимость личности, а частная хоть и определяла ее, но не была зависима от общественно-социального развития. Они по-прежнему утопично считают, что коммунизм – это обезличенное общественное равенство.

Однако уже в недрах первобытного общества общинники понимали, что раздача коллективной добычи с закрытыми глазами обезличивает лучших охотников. Со временем они стали их поощрять дополнительно, как акт выражения уважения, благодарности и любви общества за их талант и вклад в успех. К сожалению, это стало началом имущественного и правового его расслоения и появления впоследствии не только богатых и бедных, но и статусного права социальной значимости раба и хозяина.

Как расплавленный свинец, мысли мои,
Выжигайте глупости мира мозги.
И сторонники их пусть найдутся,
Добрыми делами миру обернутся.

Вот, этим стихом я уже открываю доступ к своему откорректированному докладу, который после некоторых колебаний левое движение С. Кургиняна на одной из своих сходов 1 июля 2015 г. дало возможность мне изложить. Доклад назывался «Коммунизм: миф или реальность?» но официально на сходе зарегистрировано не было?»

«Будьте готовы, мы будем критиковать», – предупредили

меня, однако серьезных оппонентов не оказалось. Аргументы большей части оказались слюнявыми брызгами эмоциональных возмущений, определяющих их неглубокие теоретические знания и пустоту аналитического ума. Свою теоретическую слабость, как и всего марксистского движения, они чувствовали и сами, отчего на камеру со мною разговаривать отказывались. Все их понятия и убеждения дальше не критического марксистского понимания коммунизма не распространялись. Хотя то же самое можно было сказать и о мировом левом движении, включая коммунистов, которые из-за мыслительной слабости также не пытаются спорить с Маркса – Ленина учением. Все они стремятся либо восстановить плановый социализм на общественной собственности, либо как-то его усовершенствовать, приобщив рабочих к распределению прибавочного продукта между всеми участниками производства, отобрав это право у капиталиста. Понимания того, что если они и отберут это право у капиталистов и не придут к командному расслоению и угнетению в обществе не было, как и в обратном случае с уравнино-обезличенным потреблением, ведущим к беде безынициативного общества.

То, что все планировать нельзя и что-то необходимо воспроизводить через стихийно-рыночные отношения, – такого понимания в целом у них тоже не существовало. Но главное в том, что исторически они не осознавали истинные причины распада и первобытного общества, и их социализма.

Когда некто из их титулованных ученых, стараясь меня поставить в тупик, спросил: «Объясните, какая причина повашему послужила распаду социализма?», я ответил: «Политико-экономическая недоработка коммунистической теории развития», – и повторил то, что мною уже было выше озвучено и являло общественную обезличенность. Однако марксисты не видели и других своих ошибок, определивших прочие причины распада социализма.

Так, следующей причиной распада социализма стала теория борьбы классов. Она определяла движущей силой революции обездоленные классы, которые были деловыми представителями общества, но не ценили творческую интеллигенцию, а только ту, которая прославляла диктатуру и беспредел рабочих представителей в лице партийной элиты. Однако выходцы из народа, получив властные полномочия, стали прогибаться под имущественным соблазном. Так партийная элита в основной своей массе со временем переродилась из идейной в мещанскую, прикрываясь идеей лишь формально, потому и не смогла удержать свою власть.

Воспитанная ею интеллигенция хотя и создала теорию классовой борьбы, но не смогла согласиться со своей обезличенностью сознания перед поиском истины и идеалов, подчиненных противоречивой действительности диктатуры пролетариата, и их властью над собой. Хоть самые страшные и гениальные вещи в истории во имя блага тоже делались интеллигенцией в зависимости от ее подчиненности истине

или наживе, ее руководящую роль в истории отрицать нельзя.

Предоставляя значимость интеллигенции, правящая власть дорожила только той, которая была угодна ей, а не той, которая подчинялась собственным идеалам самосознания и общественного блага. Таким образом формировалась интеллигенция правящей идеологии и класса, а интеллигенция истины социально-общественного блага и справедливости оставалась в тени.

Если бы учреждение власти советов было все-таки на основе класса творческой элиты, создающей основной вклад в народное социальное достояние, и она формировала бы денежное обращение, мы бы не потеряли социалистического государства. Однако для этого нужна была новая модель экономики, которую общественная мысль не имела, так как и капиталистическая, и социалистические формации допускать иной не могли. Таковой же могла быть только такая, которая определяла бы значимость созидателей от общественного блага, механизм которой попытаюсь раскрыть ниже.

В последние времена умы опять привлекают различные теории нового общественного устройства, в том числе и теория конвергенции, которая пыталась соединить капитализм и социализм, не изменяя существующие формы собственности. Одними из ее последователей ныне являются сторонники движения «Новые коммунисты», которые пытаются соединить частные формы собственности с общественными,

а точнее общественную собственность поставить в зависимость от индивидуальной. Даже и традиционные коммунисты грешат этим, представляя закрытые формы акционерных образований как народные предприятия, а в некоторых странах даже разгул акционерных предприятий под партийным контролем – спецификой построения национально-коммунизма. Практически идет восстановление капиталистических отношений по пути ревизионизма и частной собственности, а не дальнейшее развитие социализма на основе права оперативного управления и пользования в зависимости от созидания социально-народной собственности. Внешним оправданием таких теорий является марксизм, но под каким бы соусом ни подавалась рыба и с пеной у рта не утверждалось, что это колбаса, она не сможет стать таковой.

Так как официальное движение коммунистов всем своим опытом ошибок развития мне было понятно, то меня заинтересовали больше новые коммунисты как нечто новое и неясное в левом движении. Они считают себя истинными марксистами и единственной силой, которая способна объединить все левое движение. Несмотря на концептуальную незавершенность предложенной ими экономической модели, из-за сохранения противоречий индивидуальных собственников и технической бессмыслицы их отчуждаемого механизма персонализации общественного достояния. Особой проблемой этой персонализации являлось доведение об-

ществленных форм до каждого члена общества и рабочего места со статусом общественной влиятельной собственности, что казалось многим неподъемной бедой. Однако не решенная проблема единения личности с общественной собственностью преподносилась, как уже решенная и выдавалось за истинную форму народоправия в общественном развитии.

При детальном анализе их теории становится ясно, что они общественную собственность лишали обезличенного лица и сделали ее некой закрепленной в равных долях складчиной. Механизм этой складчины уравнивал в долях всех. На этом этапе они повторяли ошибки социалистической уравниловки и обезличивали значимость каждой отдельной личности в создании народного достояния. Практически планировалось только долей индивидуального труда влиять на долю получения прибыли, а доля общественного достояния должна прирастать в равной степени от всех участвующих в производстве. Таким образом, общественно-социальная составляющая просто должна отчуждаться и никакого влияния на значимость личности не оказывать, кроме той доли, которую работники должны получать из прибыли в личное пользование по результату своего конкретного труда на производстве. Этим трудом она напрямую не может влиять на изменение своей персонифицированной собственности и также ею не может нести ответственности перед обществом. Остается вопрос: зачем нужна эта персонифици-

рованная общественная собственность, если она не является гарантом значимости личности и не определяет ее права на собственность, пользование и право оперативного управления? Практически такое право и в социализме, как и в капитализме, определяется формой единоначалия по воле хозяина либо партийного заместителя. Логика же справедливости и истинности требует предоставления права на оперативное управление по общественной значимости личности, а не по воле частного интереса руководителей процессами производства. Именно такой персонификации общественного вклада социальным статусом личности и коллектива, как и наоборот, посвящена эта читаемая вами данная статья и книга. Они являются обоснованием экономического механизма, заменяющего частную материальную значимость, на значимость права пользования и оперативного управления.

Если я пытаюсь, чтобы общественная собственность определяла значимость личности, то новые коммунисты, наоборот, поднимают значимость индивидуальной собственности и только потом решают, какой должна быть общественная. Через нормативные отчисления из общей прибыли предприятий, согласно их модели, должны делаться отчисления на ее развитие.

У них, при такой модели распределения прибыли, сохраняются противоречия между личной и об-

щественной собственностью, так как общественная персонализированная собственность не определяет их личную собственность. Из-за отсутствия этой зависимости естественны обострения противоречий собственников на возможных доходах, полученных от трудового участия. Кроме этого, не рассмотрена возможность полной экономической ответственности, которая могла бы влиять и на персонифицированный общественный уровень значимости каждой личности и социальной семьи – коллектива общения.

Не рассмотрены и условия возможности передачи персонализированного вклада в народное владение, которое в этом статусе могло бы передаваться и по наследству с превращением его в народное достояние для формирования эмиссионной значимости.

Экономические условия предоставления права оперативного управления на формируемую их моделью общественную собственность в работе персоналистов не рассмотрены совсем. Они, видимо, опять, как в социализме, полагались на учреждение прав управления некоторой партией или посредством выборов. Только производство всегда требует линейного единоначалия с ответственностью по подчиненности, а выборная власть предполагает подотчетность избираемым, с мерой их влияния от утверждения до смещения, а это уже является заменой единоначалия на подобие самоуправления лишённого единого подчинения. Более то-

го, обезличенная выборная система подразумевает возможность нечестной борьбы за власть с различными подковерными эгоистическими интересами и её предвзятости, потому только возможна для формирования контрольной власти. Более того, право на линейное управление должно иметь учредительную форму с неравным по значимости голосовым правом или линейным утверждением в зависимости от типа предприятий. Однако право выборного оперативно-линейного управления персоналистами не рассматривается совсем. Предлагаемая ими экономическая модель воспроизводства права на оперативное управление не предполагает и ограничивается только воспроизводством личной собственности, а общественная собственность – не смысл влияния, а некое прикрытие частного накопления.

Также при формировании общественной собственности не рассмотрены условия хозрасчета на низовых уровнях производства, а без этого не может быть хозрасчетного общественного производства. Однако для этого необходимо было, чтобы социально-общественная составляющая значимости формировалась в себестоимости, на плановом ценообразовании. Только понимания, что необходима другая экономическая модель, у коммунистов нет, и ныне. Используя старую экономическую модель, но с новым противоречивым перераспределением прибыли, они в сущности не исправляют ошибок бывшей правящей элиты коммунистов.

В любом случае именная общественная собственность

должна воспроизводить отдельно общественное право владения и статус, передаваемый по наследству, а товарное рыночное производство и обращение – статус права оперативного управления или два его уровня. Только модель экономики, в которой возможно воспроизводство таких социально-статусных отношений, должна быть иной, а модель персоналистов проблемы, беспокоившие левое движение, не решает, так как неспособна формировать одновременно и плановый, и рыночный социально-производственный оборот. Только модель планового и рыночного ценообразования способна спасти обанкротившиеся в рынке предприятия, если они будут включены в плановый производственный оборот.

Суть моих теоретических расхождений с персоналистами определилась не сразу. Они мечтали о единой политической силе России в виде народоправия, я не понимал, что и как конкретно это может существовать в их варианте и к чему привести. Однако быстро убедился, что не совсем четко это понимают они и сами. Наивно предполагая, что разделив все народное достояние в равной степени между всеми членами общества и сделав всех равными в финансовой доле, так сформируют народный капитал и создадут народные банки.

Я же думал: если так и сформировать капитал, то он может давать только ссудный процент на каждый вклад, но они его в такой форме тоже не рассматривают. Как довести персонифицированную долю до предприятий, обдумы-

вать не хотели, а положившись на народные советы, решили, что так придут к народоправию. Долевая же ответственность в теории не прописана и даже не предусматривается, так как вся прибыль на предприятиях распределяется по «избыточному произведенному продукту», а не по социальной доле в общественном вкладе. Изменение этой доли от вклада каждого тоже не предусматривается, а рассматривается как нечто абстрактное, которое увеличивается по нормативам из общей прибыли, а индивидуальный доход в виде прибыли на «избыточную производительность» остается частным.

Механизм этого «справедливого» народного устройства предполагалось утверждать через трудовые и народные советы. Фактически же получалось утверждение той же частной собственности как формы свобод, во главе с народными советами, а не утверждение прав личности для пользования общественной собственностью. Спрашивается: какое же все-таки получается общество, если оно не учитывает и не ставит в зависимость от социального развития доходы и предприятия, и каждого работника?

Отличалось это от акционерной формы предприятий только тем, что «персонализированные» счета определялись в равных долях. Главное заключалось в том, что часть именной общественной собственности, закрепленной за каждым членом общества, могла использоваться только в общественных интересах и должна была определять и что-то в личное право потребления, но, увы, не прописано. При капитали-

стических отношениях это удовольствие только за личные деньги и в полном личном использовании. Оставался опять такой же, как и раньше, следующий вопрос: зачем нужна эта персонализированная общественная собственность, если она остается, как и при социализме, отчужденной? Может ли ссудный процент персонализированной собственности распределяться по их «избыточной производительности», тоже остается непрописанным.

Рассматривать же их подход с распределением прибыли по «избыточной нормативной производительности труда» вообще не имеет смысла в современном роботизированном производстве, так как нормативы, как нормированные задания, есть качество технологического исполнения. Все же дополнительное распределение в виде прибыли на большую от норматива производительность требует технологического нарушения. Не говорю уж об их предложении разрабатывать нормативы, которые не определены социальной необходимостью расширенного производства. Такой подход был не только слабым техническим аргументом, но и слабым теоретическим обоснованием. Производительность ныне растет только от внедрения более прогрессивного оборудования, и только определение прибыли на рост эффективных основных фондов может дать стремление к смене оборудования и росту производительности труда. Неприменим такой подход и в непроизводственной сфере. На каком основании они полагали, что за счет договорного внедрения этих от-

ношений в производство их структура будет иметь средства на свое развитие и распространение по всему миру, во всех формах предприятий и контор, непонятно. Я же после неоднократного общения предлагал им поставить прибыль от роста социальной сферы, так как рост бесплатной социальной сферы может является показателем роста социальной производительности труда. От такого показателя можно формировать нормативы стимулирования во всех сферах. Однако мне сказали, чтобы искал себе других единомышленников, а я всего лишь ищу истину, а не единомышленников. Стараюсь сформировать взаимозависимые отношения между общественной, личной и частной собственностью хочу, чтобы мир ушел от противоречий. Этот подход давал бы механизм, исключаящий главное противоречие между общественной и другими видами собственности, сложив новые социально-правовые условия.

Экономическая модель персоналистов во главе с В. Петрухиным не дает ответа, какими должны быть отношения людей с землей, владение которой должно всегда оставаться у народа, и только пользование и распоряжение по значимости может быть у каждого.

Как персоналисты землю хотят персонализировать, тоже мне осталось неясным. Может быть, в их модели тупик развития цивилизационного сознания, так как других теоретических предложений не вижу? Не хочу говорить о прочем, но предлагаемая ими модель не выдерживает критики даже

с позиций марксизма. Характер труда в их модели полностью получает частный характер присвоения для развития мелкобуржуазного народно-промышленного капитализма с нормативной плановой базой в экономике, но эта цель не может стать идеальным смыслом левого движения. В этом виде она могла бы быть неким развитием теории конвергенции, не исключающей антагонистических противоречий, а значит и насилия. На каком же непонятном основании новые коммунисты свою идею считают коммунизмом или обществом высшей справедливости?

Рассмотрев и другие тупиковые экономические концепции, я с полной уверенностью утверждаю, что единства в левом движении нет, так как нет другой обнадеживающей и объединяющей их идеи, кроме коммунизма. Однако в том виде равенства, в котором ее видят все, она утопична. Более-менее жизнеспособной была идея, воплощенная в Советском Союзе, но отсутствие критического анализа ОСНОВНОЙ причины распада первобытного общества, которой мы уже коснулись, привело и к распаду Союза Советских Республик.

Другой причиной распада социализма, естественно, стало отсутствие религии счастья, основанной на поклонении природе, так как любовь есть высшая форма ее проявления. Общество же любви как реальную основу счастливого общества, с моральным правом как формы общественной люб-

ви, морального влияния, академики и политики современности как необходимость не хотят принимать и сегодня. Они зомбированы утопическим обществом демократии и религией терпения с принципами, отсутствующими в природе, что равноценно преступлению против человечества и его счастья.

Чтобы не произошло трагедии распада социализма, нужно было научной и политической его элите осознать, что теория свободы множественности видов собственности Абалкина без контроля является трагедией социализма. Без системы их взаимозависимости с общественной частная прибыль и нажива, как и частная собственность, убивает все остальные. Когда это было сказано мною, Абалкин ответил, что такой взаимозависимой собственности он не знает. Ограниченность научной экономической элиты, завело в тупик дальнейшее развитие теории права оперативного управления. На ней формировалось управление всем народным достоянием социализма, которое давалось не по созидательной значимости личности, а по партийной протекции, что стало следующей причиной распада страны. Созидательная же значимость личности, которая должна бы была определять её статус, ограничивая влияние денег, стимулируя право оперативного управления, или право личного потребления свобод и прочих потребностей, руководящих экономических богов той элиты не интересовала. Догматическая идея ошибочного равенства, как коммунистического блага,

мешала думать объективно, как и ныне поклонение демократии.

Даже после каждого из моих докладов это оставалось пустым звоном. Обсуждение работы на кафедре социалистических видов собственности ведущего института получило обтекаемую рецензию, и мне предложили не ломать копья, а организовать кооператив и заниматься более полезным делом. Академики и политики не хотели признавать своей ограниченности, а за этим стоял крах системы. Может быть, тогда уже и потому, что им уже платили не за поиск истин, а за обоснование перехода к рынку, которым бредила властная элита.

Не хотели и гораздо позже ее признавать и в Доме ученых, когда после доклада в нем мне уже слова старались не давать, как и после выступления на международном форуме, где мой доклад не включили в сборник докладов, хотя я и успел его опубликовать в независимом экономическом журнале. Это значило, что и правые, и левые мою теорию статусных отношений признавать не хотят и стоят на защите устоявшейся свободе частной собственности. При попытках выступить с докладами в других образовательных институтах сразу получал возражения, а при личном настаивании вызывалась охрана и меня выводили.

С таким подходом ныне, думается мне, построить как коммунизм, так и правовое общество будет нельзя, если даже на возмущение к капиталистам опять поднять народ и за-

хватить власть. Кроме как брызгать слюнями умирающего марксизма и несуществующей в природе демократии, нынешний интеллектуальный бомонд, в раздумье и согласии с капиталистическим развитием, с условиями отживающей религиозной морали, которая оправдывает незыблемость антагонистических противоречий. Необходимость взаимозависимого соединения общественной, личной и частной собственности для развития права пользования с воспроизводством статусной значимости граждан как субъектов права, в зависимости от права владения, для экономической ответственности по вкладу в общественное достояние они осознать не могут и сегодня.

Прошлый опыт развития социализма показал, что, не осознав этого недуга, руководящая элита сделала государство тоталитарным отчужденным собственником народного достояния, а право распределения благ оставили партийному классу. При дележке их они, естественно, старались не забывать о себе, без учета права, которое могло вытекать из вклада в общественное социальное развитие. При этом они боялись осуществлять достойное вознаграждение достойным в страхе перед имущественным расслоением общества, что стало еще одной причиной развала страны.

Как сделать так, чтобы только рост социальной составляющей в цене определял значимость каждого участника производства и давал бы норматив возможности роста доходов, думать не думали, да и не хотели или считали абсурдом. Ны-

не оттого, что доходы государства тоже зависят от получения прибыли предприятиями, выходит, что оно так или иначе тоже участвует в необходимости угнетения своего народа. Эту абсурдную модель экономики государства может исключить только другая модель экономики, где социальная составляющая определяла бы развитие к социальному государству. Она возможна, как уже говорил, только в том случае, если социальная составляющая станет основой планового развития и основой эмиссии плановой энергетической валюты для развития социальной сферы. Именно развитие социальной сферы может определять реальность развития коммунизма. Попытка академика Аганбегяна построить экономику на второй модели экономики, где формирование заработной платы должно было идти от прибыли, нарушала потребности ценообразования и не решала проблем развития социального общества. К приобретению акций, получению дивидендов и участию в распределении прибыли такая система каждого гражданина общества приобщить не стремится. Даже закрытые акционерные общества, на которые ставят надежды коммунисты как на народные предприятия, вынуждены становиться открытыми, но и в этом случае всех членов общества акционерами ни частной, ни общественной собственности сделать невозможно. Исходя из этого, правильнее было бы сформировать социальные акции эмиссионной именной статусной значимости, а не рыночной принадлежности.

Однако в общественной экономической структуре нет предприятий, которые обладали бы структурой формирования статусной системы на основе социально-планового воспроизводства и соответствующего ценообразования. Только сохранение плановых основ на предприятиях для формирования планово-рыночных отношений с формированием управленческих кадров для социального общественного развития, а не конкурентной вражды, может сформировать новый управленческий аппарат.

Исходя из этого, утверждал, всегда и ныне, что для реализации этих задач построения социального государства коммунистического типа необходимо соблюдать основной экономический закон социального общества. На производстве в таком обществе соотношение живого и прошлого труда должно равняться единице, а в случаях когда живой труд больше прошлого, он должен приравняться к живому, и эта разница средств между фактической стоимостью живого и прошлого труда должна определять социальную стоимость в ценообразовании продукции и услуг.

Норма прибыли определяемая при этом на прошлый труд, на разных уровнях социального государства, может зависеть от себестоимости живого труда с корректировкой на социальную составляющую в себестоимости. В определенных условиях норма прибыли может зависеть только от величины живого или только от социальной составляющей в себестоимости.

Поклонники марксистской теории всегда возражали мне, утверждая, что в экономике нет понятий живого и прошлого труда, и приходилось их отсылать к трудам их же представителей плановой экономики, в частности к академику Струмилину, который поднимал эту проблему, но признавался, что разрешить ее не смог. После от таких возражений мне подумалось, что если такие профессора и политики управляют или хотят управлять страной, то чего-то положительного ждать от них бесполезно. Более того, такая ученая интеллигенция если не старается уничтожить прогрессивное развитие мысли, то всегда будет противиться всему, что не отвечает их понятиям.

Ограниченность понимания в подходе к дальнейшему разрешению проблем построения коммунизма говорит лишь о том, что левое движение во главе со своими лидерами не научилось думать самостоятельно, боясь оторваться от пуповины марксизма. Классики же его лишь обличили прибавочную стоимость как неоплаченный продукт труда, требуя вернуть ее создателю, чтобы исключить факт угнетения. Однако эта проблема может решаться и без уничтожения экспроприаторов путем принуждения к выполнению основного экономического закона социального общества, при условии, что прибыль будет формироваться только на прошлый труд. Социальная составляющая в ценообразовании, если ее рассматривать как разницу стоимости прошлого труда и тарифной стоимости живого труда в себестоимости,

ныне сложно, так как трудовая нормативная тарификация в современной экономике утрачена. Существующая тарификация формируется только стихией спроса и предложения, и необоснованное расслоение работников являет возрастающее недовольство в обществе.

Индивидуальный вклад каждого участника производства, коллектива участка и в целом коллектива производства по фактической социальной составляющей мог бы быть показателем значимости каждого участника и коллективной частью социального статуса каждого. Он мог бы определять нормативы прав льготного пользования социальными благами и право на оперативное управление общественными процессами и производством.

Боязнь оторваться от пуповины марксизма стала основой всех ошибок марксистов в построении коммунизма. Идеологов с убедительным критическим осмыслением марксизма-ленинизма почти за вековое развитие социализма общественная система выдать не смогла, хотя над его развитием работали десятки, если не сотни институтов в разных странах. А не потому ли, что марксизм был догмой и зомбированное им сознание не позволяло думать шире? Тогда, видимо, и ограниченность капиталистической науки преследовалась тем, что любое научное обоснование необходимости развития общественной собственности считалось крахом их системы. Возможность иметь право оперативного управления вместо права на собственность, поставленного в зависи-

мость от общественного вклада, ими тоже не рассматривалась, а это единственный выход разрешения проблем. Для этого право пользования и управления необходимо делать и ограниченным, и неограниченным.

Выдвинув идею множественности видов собственности, г. Абалкин стал экономическим руководителем государства и на своем посту практически выкопал могилу социализму. Дав развитие кооперативному движению, он не поставил его под контроль. Если бы он бухгалтеров в кооперативы назначал от государства, то партийный и идеологический контроль мог бы, возможно, предостеречь от распада государства. Свободные кооперативы, получив право начислять любую заработную плату и прятать прибыль в себестоимости, уходили от налогов. Госпредприятия, ограниченные фондом зарплаты, стали неконкурентными, и каждый руководитель окучивал свой кооператив на предприятии с подобным же продуктом. Такие руководители стали думать о своих, а не государственных интересах и всю продукцию предприятия реализовывали через них, банкротя государственное. Так же ради наживы продавали за гроши все социальные структуры в виде детских садов и прочего, чтобы снизить себестоимость продукции в конкуренции.

Подобным образом поступала и администрация городов, освобождаясь от балласта социальной сферы, спасая и разворовывая сокращающиеся бюджеты. Этим движением было убито плановое социальное хозяйство, и этому помогали

верха, убив трех китов плановой экономики: Госплан, Госкомцен и Госснаб.

Когда об возможности эпохальной трагедии как последствия теоретической бездарности и предательства научного и политического руководства страной я заявил на одной из презентаций своих книг уходящим богам социалистической экономики, они заявили, что альтернативы нет. Один из посетителей тоже возразил и услышал: «Посмотрим, НЭП всегда можно прикрыть...» Однако процесс намеренно был выведен из-под контроля уже помимо их воли, и попытка вернуть страну в прежнее русло закончилась трагедией.

Если считать, что данный доклад является аналитическим исследованием, то мы должны уяснить, в чем же суть коммунизма и в чем его неубедительность. Для этого попробуем разобрать утверждение основателей марксизма, а они утверждали, что коммунизм – это:

1. Бесклассовое общество, основанное на любви с отсутствием граней между физическим и умственным трудом.
2. Экономика, исключая эксплуатацию и угнетение человека человеком.
3. Отсутствие частной собственности на средства производства.
4. Общественный характер труда, соответствующий общественному присвоению и распределению. Каждому по потребностям, от каждого по способностям.
5. Равенство и братство, предполагающие самоуправление

и отмирание государственной машины подавления, и человек человеку становится друг, товарищ и брат.

6. Один отвечает за всех, все отвечают за одного.

7. Исчезновение денег, государства и семьи, скрепой которой является собственность.

С тем, что многим этим качествам соответствовало доклассовое первобытное общество, спорить особо не приходится. Однако это вроде как идеальное общество вдруг оказалось неэффективным и распалось. Встает вопрос: почему?

Пробежав по основным положениям становления коммунизма, возникают основной вопрос: как же все-таки будет осуществляться преодоление отчуждения гражданина общества от созданных им материальных благ? Советский Союз это не преодолел, так как развитие права оперативного управления зашло в тупик и все общественное так и осталось отчужденным достоянием, иначе – ничьим. Преодолеть это отчуждение возможно только через социальную статусную структуру граждан с экономической ответственностью, если она будет организована на вкладе в народное достояние. При этом статусная структура как отражение некоей доли народного владения, формирующей эмиссионное денежное обеспечение, может формировать и полную экономическую ответственность. Эта ответственность, как и значимость каждого гражданина, выраженные в статусе, формироваться должны его деятельностью и неким родовым

и общественным вкладом в народное социальное достояние. Оно, в сущности, должно определять не только социальную значимость, но и ее определенную взаимозависимость, где пользование (временное или пожизненное без права продажи), как и личная собственность, с неким уровнем свобод на оперативное управление общественной собственностью, с уровнем властных полномочий, должно определяться статусом. Однако, как я уже говорил выше, экономическая элита это постигнуть не смогла, и разработка права оперативного управления на командно-партийных отношениях зашла в тупик.

Партия класса рабочих, слепо подчиняясь классовой логике марксизма, не нашла и ответа на вопрос: какими же должны быть формы отмирания государства? Так как в этом случае руководящая роль рабочих и крестьян должна была уступить власть другой деклассированной прослойке, которая должна была быть образованным классом – интеллигенцией. Однако взявший власть рабочий класс диктовал интеллигенции свою волю и самостоятельным классом его не считал, полагая, что творчество не чуждо любому классу, хоть и не каждому из таковых. То, что этот люд, выделившись из всех классов, может сформировать свой класс, не предполагал ни тот, ни другой из противостоящих классов.

Исчезновение классов, как одно из условий коммунизма, с исчезновением граней между физическим и умственным трудом, вышеизложенной логикой не поддерживается,

и в какой-то мере уже не выдерживает критики. Ведь понятие класса без отношения к собственности не может рассматриваться, потому интеллигенцию как собственника общественного сознания и достоинства можно признать классом только в случае образования такой же собственности. В этом случае созидатели как класс превращаются в голосовой и телесный орган народного сознания, и уже поэтому должны стать учредителями власти, для народного утверждения.

В первобытном обществе старцы как носители этого сознания правили общинами. Если созидание рассматривать как выражение любви, то избранники класса созидателей должны нести созидающую значимость власти, как выражение любви. Так как они являются учредителями общественного сознания, то должны иметь и привилегированное избирательное право, если не учреждать власть. Если коммунизм – это общество счастья, а значит любви, то класс творцов должен определять диктатуру счастья, так как творческое самовыражение есть его жизнь, и он творит, и живет ради этого. Таким образом, единый класс созидателей по своей значимости должен формировать избирательную основу руководителей счастливого общества, а их созидательный продукт – создать эмиссионной банковской капитал общества созидания, а значит и любви. Можно ли такое общество считать бесклассовым? Видимо, да, если рассматривать как внутритиповое явление, если же рассматривать как внешневидовое явление, то это будет скорее одноклассовое об-

щество управленцев, не имеющее антагонизма межклассовых противоречий. Они же, формируя общественное сознание и основной вклад в общественное достояние, естественно, рано или поздно должны заявить о необходимости своего промышленного влияния как переноса прошлого труда и всего цивилизационного сознания для образования своего денежного оборота как народного явления. Однако механизма такой взаимозависимости и необходимости изменений марксисты создавать не стремились, да и понимать такое не желали, так как это угрожало их власти. Кроме того, идеология требовала только диктата партии рабочих, хотя в ней уже были только интеллигированные образованием нетворческие представители рабочих.

Интеллигенции для учреждения своей власти нужна будет соответствующая партия. Такая партия учредителей должна статусной значимостью узаконивать развитие социальной сферы как народного достояния. Только при влиянии на статусные показатели значимости личности и коллективов, где каждый социальным вкладом отвечал бы за себя, а коллективным – друг за друга, как все за одного, **может произойти исчезновение необходимости применения насилия и карательной машины государства** .

Для торжества нового класса в зависимости от становления социального воспроизводства с образованием статусной структуры нужны соответствующие производственные отношения. Они должны воспроизводить значимость и линейно-

го руководства, и самоуправления, с зависимостью от персональной и коллективной доли вклада всех участников производства, формирующих народное достояние как социальное благо, которое отражало бы капитализированную значимость социальных фондов.

Полное явление статуса как значимости личного вклада в народное достояние, с возможностью передачи его по наследству, может привести к такому обществу, в котором все будут болеть в первую очередь за рост общественного, а не личного и частного достояния. Более того, если социальные статусы значимости будут единым показателем оценки всех, то по ним могут определяться и формы различных, но согласованных общественными договорами свобод как на условно определенное время, так и на формы правления исполнительной власти, с конкретными и согласованными формами контроля над ней. Влияние может осуществляться также через судебные органы, как и через банковские структуры с экономическим давлением и поощрением по статусным показателям.

Ту же самую статусную значимость могут иметь как семья, так и социальная община, предприятие, регион и государство. По статусу государства, отмеченному вкладом его в мировое историческое развитие общества, могут предоставляться соответствующие права в международном правительстве и по времени, и по голосовой значимости и т. д. Кроме того, на бытовом уровне за потребление изделий планируе-

мого культурного значения статусы граждан и социальных общин могут повышаться, чтобы формировать на это спрос и повышать культурное развитие общества. Этот подход позволит создать систему управления потреблением в направлении не имущественных, планируемых услуг культурного спроса.

С развитием статусной структуры может открыться возможность осуществления экономической ответственности не только индивидуальной, но и коллективной мерой, и не только за порчу общественного имущества путем понижения социального статуса, но и за аморальные поступки по соответствующим коллективным решениям, согласно положениям и моральным кодексам коллективами и общественными судьями – решалами. Такой подход – еще одна мера, как новый шаг к отмиранию репрессивных мер государства. Без согласования этих отношений между самоуправляемыми структурами и государством на основе общественных договоров, наподобие договоров с профсоюзами на предприятиях, ни о каком ослаблении роли или отмирании государства в общественном устройстве говорить бессмысленно.

Если же считать, что статус каждого гражданина может зависеть не только от вклада в народное достояние, но и от общественного рейтинга по условиям общественных положений, то надо заметить: и это надо принимать как проявление общественной любви или неуважения. В первобытном

обществе тоже существовало моральное право как проявление любви, и не только по родовой значимости членов. Серьезной угрозой проявления его было изгнание из общины, где уже силы природы выносили приговор. Решение старейшин тоже поддерживалось страхом общественной кары самих общинников, как проявление их чувств. Для того чтоб общество влияло на своего члена, существовали моральный закон и моральное право, а также правовая значимость личности из отношений доверия, на которые можно было воздействовать через религию требованием божественной воли.

Возможно, все было и не очень объективно, но это предполагало в родовом обществе наличие морального и правового неравенства, при отсутствии имущественного. Родовая знать точно не была уравнена со всеми членами общины, и говорить об всеобщем равенстве нельзя. Герои в общине тоже окружались повышенным почетом, а почет в любом случае выражается в правах как утверждение форм общественной любви.

Ныне если выражение любви и сравнить с рейтингом на интернет-порталах, то, как и в прежние времена, оно будет с недостатком из-за отсутствия значимости обезличенного голосования. Правовую же обезличенность голосования ныне можно исправить, если оно будет зависеть от социального статуса и потеря его будет механизмом, исключаяющим физическое насилие и моральное равенство при возможном плано-социальном материальном равенстве, а это

еще один шаг к отмиранию государственной машины.

Коммунизм предполагает, что все должны быть равны, но, скорее всего, это эмоционально заимствованное коммунистами библейское толкование, что перед богом все равны. Перед богом тоже все не равны, иначе грешников не пугали бы адом, и, скорее всего, это неравенство может быть и на земле, только в социально-правовых общественных потребностях.

Важный довод классиков коммунизма **«От каждого по способностям, каждому по потребностям»** — это утопия, так как это является обезличиванием личности и говорит лишь о том, что классики не смогли оторваться от сознания утопистов и религиозного понимания. Никакое общество с этим выжить не сможет, так как оно превращается в общество пренебрежения к талантам, героям и т. д. Необходимое сознание можно воспитать только стимулированием собственностью либо правом, через коллективное сознание и влияние, как в родовой общине страхом изгнания из нее и общего презрения сородичей, до забрасывания камнями. В первом случае со стимулированием собственностью получаем неравных собственников и теряем коллективное воздействие общественным отношением. Во втором случае должны отказаться от равного права для всех и прийти к праву как форме выражения общественной любви по общественной значимости. Этим подходом сформировать мотивированное общественное влияние на сознание, через диф-

ференцированное право пользования, при некотором социально гарантированном равном потреблении.

Классики марксизма утверждают, что появление частной собственности определило распад первобытного коммунизма. Их утверждение значило, что уничтожение этой частной собственности приведет мир снова к формированию коммунистического общества, где все будут равны. Наивно полагают, что с этим придет общество изобилия, в котором деньги потеряют ценность, а семья, освободившись от имущественного гнета, станет только союзом чувств. Таким образом, видимо, считали они, придут к всеобщему счастью всеобщего мира.

То, что с этими изменениями отомрет и государство как орган физического подавления народа, было бы думать уж совсем наивно, ибо общественная собственность сама по себе без взаимозависимости с личностью не формирует идеального сознания и не устраняет антагонизмы противоречий. С этим не осознавали и того, что приведут мир к обезличенному обществу хаоса, а каким должен быть механизм взаимозависимости личности и собственности, чтобы она не стала просто отчужденной собственностью, социализм не решал. Сможет ли общество когда-нибудь признать, что некоторые пункты коммунизма утопичны и нужно уходить от иллюзий и не обманывать народ? Ныне нужно просто строить социальное общество и при отсутствии в нем антагонизмов считать коммунизмом.

На научном олимпе защищались наивные диссертации о таком уровне развития общества и сознания, когда сначала будет бесплатным хлеб и мыло, спички, а потом все остальное. При этом не решался вопрос изменения отношений собственности. Более того, не понимали, как и в каких условиях станет ненужным аппарат государственного насилия, чтобы страх насилия заменить влиянием на показатель совести и чести, как душевной красоты. Не осознавали и того, что стихиями природа всегда – и в первобытной общине, и сейчас – навязывает коллективную ответственность, что также осуществляют и войны, как общая беда и задача, формируют единое сознание. Выходило, что при отмирании государства должна снова восторжествовать некая коллективная ответственность, но от кого? На практике после отмены частной собственности произошло усиление социалистического государственного насилия. Встает опять каверзный вопрос: почему? На этот вопрос теория марксизма-ленинизма отвечала исторической борьбой классов и необходимостью диктатуры угнетенных. Именно это привело к тому, что к власти пришли бездарные руководители, которые не нашли других форм влияния, кроме насилия.

В первобытном коммунизме изгнание из общины было равносильно смертельному приговору, так как одному выжить в борьбе с природой считалось невозможным. Фактически это тоже было формой если не насилия, то проявлением кары как нелюбви. Когда возможность выживать и в оди-

ночестве стала реальной, возникла кара физического наказания и его страха, с публичным унижением и осуждением.

Если даже согласиться, что государство все-таки когда-то отомрет, то эти функции так или иначе нужно будет передавать децентрализованным органам самоуправления, что вряд ли приведет к единству мира, а скорее – к его разобщению. Надо понимать, что самоуправление может быть эффективным только на низовом уровне, где была бы возможна коллективная ответственность и социальная или экономическая зависимость одного от коллектива, и наоборот. При этом коллективы самоуправления должны иметь свой устав и органы товарищеского суда согласно уставу, согласованному с руководящей властью, и подчиняться народу в виде советов народных депутатов. Естественно, деятельность таких коллективов должна иметь контролирующие функции с социальной значимостью и статусной оценкой по роду их деятельности.

Я убежден в том, что государство диктатуры созидания в своем развитии должно принять такой вид, где демократия может выразиться в виде советов различных уровней, которые должны контролировать учрежденную партией учредителей руководящую власть. Однако для той и другой власти должен быть один социальный показатель деятельности, дающий право на управление на том или другом уровне власти. Именно власть социально-созидательного учреждения с народным контролем через советы приведет к отмиранию

тюремно-карающего государства к государству экономически-правовых форм под контролем народных советов.

Эти контрольные органы должны вести оценку деятельности исполнительной власти на основании рейтинга доверия с возможностью дополнительного стимулирования деятельности из социальных фондов. При необходимости их органы могут иметь социальные суды, которые будут определять спорную статусную значимость подконтрольных им органов. На самом высшем уровне они могли бы стать международным органом для оценки деятельности исполнительной власти отдельных государств, Контроль над этими двумя видами власти может осуществлять конституционная власть в виде ее монархического института.

Возрождение советов народных депутатов позволило бы вести контроль над деятельностью всех предприятий и организаций через своих представителей в них. При этом эта организация, как и профсоюзы, на основе общественных договоров могла бы следить за соблюдением социальных гарантий в обществе. Эти советы как высшая форма общественной организации для неподкупности могли бы полностью содержаться на правах пользования и стимулировать правами социального пользования всех своих членов. На основе подобной организации мог бы происходить не только контроль над социальным развитием общества, но и международный социальный контроль государств.

Что касается семьи, то как продукт частной собственно-

сти и государства она если не исчезнет, то рядом с ней может возникнуть семья на основе застрахованного морально-го договора чувств. Философия такой семьи раскрыта в главе 18 моего романа «Храм любви». Социализм и классики марксизма ни новой семьи, ни новой морали создать не смогли. Попытаемся сделать анализ и этих ошибок:

Не создав своей морали, как и религии, поклонения ей, где бы скрепой семьи и отношений любви в обществе армировалось неимущественной составляющей, они узаконили патриархальную семью на основе уже имеющейся религиозной морали как основополагающую моральную истину. Социальные и производственные условия давно ушли от патриархальных отношений, и семья требует новых форм, и новой морали.

Чтобы объединить мир, для развития нужна все-таки новая объединяющая межнациональная мораль. Такой моралью могла бы быть мораль формирования семьи – любви и мира как единой семьи. Семьи, где бы право интимного общения и воспитания основывалось на морально-правовом договоре как страховочной арматуре гарантированных отношений и обязанностей во времени их проявления, коммунисты тоже не видели.

Если рассматривать государство как организацию, разрешающую нравственные и производственные вопросы во имя счастья своих граждан, а высшей формой счастья считать пребывание в любви, то построение общества любви должно

являться смыслом государства. Патриархальная, единственная на всю жизнь данная семья не всегда соответствовала полному душевному счастью каждого или больше, не являлась таковой необходимостью для каждого. Однако только через создание семьи как основы государства и общества возможна единственная узаконенная форма проявления любви для реализации половых отношений и отношений по воспитанию детей. Не отрицая существования патриархальной формы семьи как предпочтительной, нужно думать и не исключать возможность других согласованных форм семьи, если они могут являться основой счастья.

То, что для счастливого общества семья должна стать формой не имущественного союза, а узаконенной совместной ячейкой общества для реализации чувств, сексуальных и бытовых отношений, сопутствующих выражению личности, настоящая идеология семейного права не предусматривает. Однако самовыражение личности есть составляющая счастья, что является смыслом и общественного развития.

Если в родовом обществе основной потребностью семейного образования были бытовая, воспитательная и физиологическая потребности общения, то в феодальном обществе семья стала экономической единицей государства, и наличие в ней собственности стало определять значимость личности и совместного хозяйства с передачей этой значимости по наследству. Количество ее членов как работников было важным фактором для ее выживания, а мужчина был главен-

ствующей ее экономической единицей.

В капиталистическом же обществе значимость личности и семьи на основе собственности вошла в противоречия, так как работающие супруги стали менее зависимы друг от друга. Производство уже на стадии капитализма востребовало женщин как отдельную экономическую единицу и поднимает зачастую их труд выше значимости мужского труда. Вместе с этим естественно выглядят требования женщины о своей свободе в любви, с пренебрежением старой моралью патриархальной семьи. Женщине не стал нужен мужчина постоянно, и они стали предпочитать не постоянное, а периодическое общение с противоположным полом. Появление неполной семьи становится преобладающим явлением частного интереса, с попранием общественной необходимости.

Необходимость ведения совместного хозяйства потеряла значимость, но совместное имущество еще определяет значимость семьи, оставаясь скрепой отношений и основой воспитания детей. Времени же для воспитания детей остается родителям все меньше – это стало новой проблемой. Практически в имущественном закреплении семья осталась почти той же патриархальной семьей, о которой Энгельс говорил как о семье, отрицающей свободу любви с грязью разводов и дележом имущества. Общество не выработало морали свободной семьи – любви с объединенной значимостью супругов, боясь попасть снова в хаос отношений родового строя. В этом состоянии с религиозных позиций осуждается

любая свобода интимных отношений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.